

М $\frac{135}{367}$

$\frac{801-13}{173}$

$\frac{16163}{11}$

ИВ. НИКИФОРОВСКИЙ.

ОСНОВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
СТАРООБРЯДЧЕСКАГО
РАСКОЛА.

САМАРА.
Типо-Литография Н. А. Жданова.
1892.

Ивлечено изъ «Самарск. Епарх. Вѣд.» 1892 г., № 3-й.

9-33-5902

2007340041

Темнота религіознаго сознанія, какъ основная особенность старообрядческаго раскола.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ русскій—не философъ впрочемъ—замѣтилъ по какому-то поводу, что старообрядческимъ расколомъ можно заниматься „только куріоза ради“..... Этимъ-ли соображеніемъ руководилась свѣтская наша печать, или у нея были какія-либо другія основанія, но только до половины настоящаго столѣтія раскольниками она занималась столько же, сколько нынѣ занимается какими-нибудь петробруссіанцами, или фратрицеллами, т. е. хранила относительно раскола „благородное“ молчаніе. Настали 60-е года, пошли „инья“ вѣянія и обстоятельства измѣнились. Расколъ очутился въ положеніи интересной, модной новинки. Въ обществѣ начались оживленные толки о расколѣ. Заговорила о расколѣ и печать (рѣчь идетъ о печати *свѣтской*). При посредствѣ типографскаго станка стали являться на свѣтъ Божій разныя раскольническія сказанія. Появлялись и „изслѣдованія“ по части раскола. Въ 1861 г. на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ появилась статья А. П. Щапова: „Земство и расколъ“. Съ легкой руки вотъ этой-то статьи и пошло у насъ философствованіе на тему о расколѣ. Возревнованъ о славіи древняго Колумба, цѣлая плеяда писателей и публицистовъ, и во главѣ ихъ Андреевъ, Юзовъ, Пругавинъ и даже „самъ“ Н. И. Костомаровъ, смѣло устремились въ походъ за поисками новой Америки. Дѣло ограничивалось по большей части перегираниемъ на разные лады того, что кратко (но вполне ясно) было высказано Щаповымъ. Но юная наука, какъ и подобаетъ юности, шествовала гордо, съ видомъ важнымъ и можно даже сказать побѣднымъ... Молодые голоса гремѣли звонко, руки взмахивались высоко, перья кололи на смерть... И врагъ былъ побѣжденъ, и Америка была открыта! Этотъ врагъ—наша старая, „духовная“ наука о расколѣ. Эта Америка—новое, „научно-философское“ пониманіе раскола.

Разверните любое сочинение, вышедшее изъ подъ пера этихъ новыхъ изслѣдователей, и Вы здѣсь прочитаете: все то, что въ продолженіе 200 лѣтъ говорили о расколѣ духовные писатели, все это—пыльная схоластика, вздоръ, недомыслие. Старые писатели смотрятъ на расколъ, какъ на явленіе *религіозное*, возникшее *по религіознымъ* причинамъ и живущее *ими*. Они видятъ въ немъ обрядовѣріе: слѣпую, неразумную привязанность къ буквѣ старыхъ раскольническихъ книгъ. Въ дѣйствительности расколъ не знаетъ никакихъ религіозныхъ интересовъ. Это явленіе *гражданское*, и только гражданское. Это оппозиція *земства* противъ поглощенія его правъ центральной властью. Это протестъ народа противъ гражданскаго абсолютизма, протестъ *политическій*, съ тенденціей демократизма. Догматы и обряды, которые защищаютъ раскольники, это только личина, маска, подъ которою они кроютъ свои задушевные *соціально-политическія* стремленія. А потому и для ослабленія раскола нужны не собесѣдованія, не мисси, а реформы социальныя, нужно улучшеніе нашего гражданскаго быта.

Вотъ то новое слово, которое повѣдано міру новыми расколовѣдами. Это обычная, общераспространенная его редакция. А вотъ „*само* научное“ его развитіе и уясненіе,—такъ сказать „последнее слово“ новаго расколовѣдія.

Извѣстно, что раскольники совершаютъ крещеніе непременно чрезъ *погруженіе*. Извѣстно, что безпоповцы *перекрещиваютъ* всѣхъ, приходящихъ въ ихъ согласія. Извѣстно также, что нѣкоторые раскольники, не имѣющіе таинства Тѣла и Крови Господнихъ, причащаются Божоявленскою *водою*. Откуда такое пристрастіе раскольниковъ къ водѣ, спрашиваетъ одинъ изслѣдователь—„философъ“, разсматривающій расколъ „съ точки зрѣнія естествознанія, какъ науки“? И отвѣчаетъ: раскольники какъ-то инстинктивно, чутьемъ давно постигли высокое значеніе воды, какъ средства... медицинскаго. Отсюда усиленныя перекрещиванья прозелитовъ еодосѣвства на Московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ въ чумный 1771 г.: „свѣжая (?) вода“, видите ли, „живительно дѣйствовала на больныхъ и расположен-

ныхъ къ заразѣ; вода всасывала въ себя чумной ядъ; окропленію становилось легче и лучше послѣ погруженія въ воду“.... Отсюда усиленныя крещенія на томъ-же кладбищѣ въ холерный 1831 годъ: „въ медицинѣ, молъ, есть особенная метода леченія холерныхъ больныхъ завертываніемъ ихъ въ холодныя мокрыя простыни. Московскіе еодосѣвцы, не зная этой метода, благотворно дѣйствовали на своихъ больныхъ холодною ванною“.... Отсюда причащеніе водою. Отсюда же и столь странное на первый взглядъ расположеніе раскольниковъ... къ банѣ: непосредственное народное чутье располагаетъ русское сердце раскольника къ этому отечественному утѣшенію, какъ спасительному кланану... религіознаго помѣшательства: «религіозная маія у насъ должна была-бы являться главнымъ видомъ помѣшательства, эпидемически, если бы не русская баня»..

Откуда, спрашиваетъ тотъ же изслѣдователь, фанатическая привязанность раскольниковъ къ бородѣ? И отвѣчаетъ: «Въ медицинѣ извѣстно, что волосъ служитъ охраною противъ проказы: гдѣ растетъ на тѣлѣ волосъ, тѣхъ частей тѣла проказа не поражаетъ... Проказа, господствовавшая на большихъ пространствахъ въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, явилась у насъ эпидемически лишь сравнительно позже, но и теперь еще не исчезла вполне... Медицинскія наблюденія открыли, что между низменнымъ положеніемъ мѣстности, равно какъ и рыбною пищею населенія, и проказою есть прямое соотношеніе. Русское населеніе живетъ въ массѣ случаевъ на низменныхъ мѣстностяхъ и ѣсть много рыбы. Слѣдовательно, въ предрасположеніи къ проказѣ недостатка быть не можетъ и волоса являются такимъ образомъ гигиеническимъ предохранительнымъ средствомъ... Понятно, почему, такимъ образомъ, борода удержалась и должна удерживаться въ нашемъ, преимущественно питающемся рыбою, духовствѣ и въ нашемъ крестьянствѣ“... Это буквальный слова чуть-ли не ученой даже диссертациі !. (Андреевъ, — „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“. СПб. 1870. стр. 199—201, 209, 373—376, 384—386).

Трудно *съ точностію* опредѣлить, что побудило подобныхъ

ислѣдователей, оставивъ простой, безхитростный, традиціонный взглядъ на расколъ, выступить съ своими *новыми*, якобы „научными“ рѣчами о расколѣ. Но несомнѣнно, что главную роль въ данномъ случаѣ играло такого рода обстоятельство.

Обративъ на расколъ свое благосклонное вниманіе, наши ислѣдователи не могли не замѣтить, что раскольники не только разнятся отъ насъ извѣстными *церковными* чинами и обрядами, но и вооружаются противъ многихъ сторонъ нашей *государственной, общественной и домашней* жизни. Смотри на вещи съ своей, *сотнйской* точки зрѣнія, новые ислѣдователи, естественно, взглянули на послѣднія особенности раскола, какъ на особенности самыя главные, основныя. И вотъ эти особенности полагаются во главу дѣла, а религіозныя принципы раскола отодвигаются на задній планъ, низводятся до значенія одной лишь ширмы, личины старообрядчества...

Итакъ, сирѣчь боръ загорѣлся изъ-за нерасположенія раскольниковъ къ *гражданскимъ* нашимъ учрежденіямъ и порядкамъ.

Нерасположеніе эти извѣстны давно. Давно знала ихъ и старая наша наука о расколѣ, — знала ихъ и — съ спокойною совѣстью продолжала идти по прежнему своему пути, не смущаясь тѣми милыми любезностями, которыя сыпались по ея адресу со стороны младшей ея сестрицы. И не упрямство, не капризъ двигали ее по этому пути. Не считала возможнымъ сводить дѣло къ тому лишь, что бы болѣе или менѣе граціозно скользя по поверхности раскола, она давала себѣ трудъ проникать въ глубь раскольническихъ ученій и потому видѣла, отлично видѣла, что тѣ раскольничьи антипатіи, которыя такъ усиленно выдвигаютъ на сцену Андреевъ, Юзовъ и К^о, что эти самыя антипатіи какъ нельзя лучше обнаруживаютъ: одностороннюю опротивленность сужденій „новыхъ“ и трезвую серьезность сужденій „старыхъ“.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что для того, чтобы узнать, что собственно имѣютъ противъ насъ раскольники, всего лучше обратиться къ сочиненіямъ самихъ раскольниковъ и посмотреть, что сами они говорятъ о своемъ дѣлѣ. Опасаться, будто въ раскольничьихъ сочиненіяхъ нельзя найти полной правды, по-

тому что писатели ихъ *боялись* высказывать свои задушевные желанія, страшась преслѣдованій правительства, нѣтъ никакихъ резонновъ. Вѣдь не стѣснялись-же раскольники и устно, и письменно величать нашу власть антихристовою и за это платились иногда очень дорого...

Что же говорить намъ эта литература относительно предубѣжденій раскольническихъ противъ *гражданской* нашей жизни?

Начнемъ съ самыхъ крупныхъ такихъ предубѣжденій.

Раскольники очень косо смотрятъ на народныя переносы, ре-визіи и всякія вообще регистраціи. Нѣкоторые изъ раскольниковъ („лужковцы“) даже прямо *уклоняются* отъ подобныхъ записей, а „странники“, или „бѣгуны“ изъ за записей, между прочимъ, совсѣмъ порываютъ всѣ связи съ обществомъ и пускаются въ вѣчныя скитанія. Откуда такое нерасположеніе? Въ чемъ его основа? Вѣстvomъ въ Египетѣ Самъ Христосъ, говорятъ раскольники, уклонился отъ переноса. Когда Давидъ послалъ князя своего Иоана по всей земли, да счислитъ Израиля, прогнѣваясь Господь Богъ за такое законопреступленіе на Давида и посла на него три язвы великія... „Во св. Писаніи видимъ, яко прежде бывшіи въ Россіи *благочестивіи* Царіе: Иванъ Васильевичъ, и Федоръ Ивановичъ, и Михайло Федоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, *бывшіи* *въ благочестіи* до Никонова патріаршества, яко сѣи вси народнаго именованія отъ мала и до велика, мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ, и всего обще челоувѣчества описанія не творили и оставляли то въ судьбѣ правительствна всемогущаго Бога... Егда же, по пророчеству Ездрина, отломися отъ винограда Христова лоза, сирѣчь отъ царскаго *благочестиваго* племени *и отъ вѣры православнаго*... Алексѣй Михайловичъ *отступилъ* *и всю церковь Христову отъ благомыслия обнажилъ* .. и позцарствава сынъ его... Петръ,.. той *лежесхристосъ* сѣе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, ичисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышаяся надъ ними и изыскавъ всѣхъ,

дабы ни одинъ могъ скрыться рукъ его... Мы (же) отъ Христа Спасителя научимся *законамъ и заповѣди Его сохранять и оупу св. благодати* и такому *жизнису* въ послушество отдатися не хотимъ и въ книги его *законпреступныя* писатися *съ нечестивыми* никогда не будемъ, да и хотящимъ *спастися* никому не совѣтуемъ... ибо мы отъ Св. Крещенія записаны есмы въ книги животныя у Царя Небеснаго на небесахъ "... «Писано есть», добавляют нѣкоторые раскольники: „не бо врагомъ твоимъ тайны повѣмъ“...; посему и мы не вдаемъ свои имена въ метрики никоніанскія».

Вотъ тѣ *соображенія*, которыя заставляютъ раскольниковъ недолюбливать наши метрики. Въ эти метрики, ревизіи, регистраціи—все это, съ точки зрѣнія раскольниковъ, вещи богопротивныя: все это явилось какъ уклоненіе отъ строго *религознаго* духа, отъ *православныхъ* началъ древней Руси...; все это *ересь, душевнубная ересь!*...

Совершенно таквы же и тѣ основанія, которыя заставляли раскольниковъ вопіять противъ „даней многихъ“, наложенныхъ Петромъ, т. е. противъ податей. „Антихристъ“, читаемъ въ одномъ раскольническомъ сочиненіи, „по записаніи въ свои книги, требуетъ со своихъ вѣроподданныхъ дань душевную. Что же есть душа? Душа есть невидимаго существа Божій образъ, дебельствомъ плоти одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть приносить Создателю своему дань душевную: вѣру правую, надежду несомнѣнную и любовь величезѣрную... И таково тиранство учини—и съ мертвыхъ дань востребована, сего и въ древнія времена бывшіе мучители не творили. И тако, по описанію Меовдія Патарскаго, сбывается: въ послѣднее время вопросятъ дань отъ мертвыхъ, яко и отъ живыхъ“.

Недовольны раскольники рекрутскими наборами, введенными Петромъ I, и опять таки недовольны потому, что служба солдатская въ томъ видѣ, какъ она устроена со времемъ Петра, кажется раскольникамъ противною *отрѣ*. „Въ царство антихристово“, говоритъ одинъ раскольническій сборникъ, ложно выдаваемый раскольниками за *древній*,—„будутъ брани ратныя

на земли не тако, ажеже нѣтъ—копями и стрѣлы, мечи и палицы желѣзными, но будутъ оружія огнечалныя, о нихъ же страшно и рещи, и не будетъ воинство нарицатися войнами, но названіе нѣкое страшно—имя сатаны—*солдаты*, и брады бриты, и лица яко жены, усты же яко львовы, изъ усть исходульцъ дымъ смердальцъ... одѣяніе имуть носити короткое и обтянуто, и хвостъ имущъ, на глывахъ имуть носити орла, о немъ же писа Ездра пророкъ, а сверху конскія ошани“... Раскольники, говори вообще, вовсе не противъ войска. Имъ-бы хотѣлось только, чтобы войско было не *еретическое*, какъво будто бы нѣтъ у насъ,—чтобы его составляли „казаки и ратники братаніе со крестами, сирѣчь стрѣльцы благовѣрныя“...

Недовольны раскольники темеренными судами нашими и опять таки недовольны потому, что считаютъ ихъ судами *богопротивными*, идущими въ разрѣзъ съ древнимъ „*благочестіемъ*“ „Иносказательный, духоборный судъ“, читаемъ у раскольниковъ,—„сидятъ судіи духоборныя, бритые жиды, губы жаренны (отъ сигаръ) и табакомъ носы набитыя, и табакерки лежатъ предъ ними, и на стѣнѣ у нихъ поставленъ крыжъ латинскій... А прежде были благочестивые суды и присутвенныя мѣста... Какъ прійдемъ въ присутвенное мѣсто, во 1-хъ узрими на показанномъ мѣстѣ крестъ животворильцъ или св. икону. А судіи сидятъ въ порядкѣ, и по образу и по подобію Божію: хотя князь, или судія, или бояринъ, а всѣ въ бородахъ, и промежду ихъ законъ Божій, сирѣчь вѣчное евангеліе и седмю вселенскими соборами утвержденное кормило, душевный корабль, сирѣчь книга Кормчяя и прочія Богомъ вдохновенныя (книги)... Такъ судили по закону, сирѣчь по небесному, т. е. по писанію и такъ право судили и такъ подобаетъ быти суду праву“... „И такъ подобаетъ быти суду праву“: нужно, чтобы судіи отложили богоненавистное бралообрятіе и богомерзкое зелье—табакъ, чтобы они принесли соблюдать посты, ходить по субботамъ въ баню, а по воскресеніямъ въ церковь, чтобы они запретили, бѣсовскія игры и ристалища, яко отъ Бога отводятъ, къ бѣдамъ же на пагубу приводятъ“,—нужно, чтобы сдѣ-

ляли судьбы все это и будутъ тогда они судьбы благочестивые и праведные...

И такъ, самыя крупныя, самыя демократическія новидимую антипатію раскольниковъ въ дѣйствительности не имѣютъ ничего общаго ни съ демократизмомъ, ни съ какимъ-бы то ни было „измомъ“. И метрики, и подати, и наши солдаты, и наши судьи—все это, убѣждены раскольники, нововведенія *еретическія, несчастивыя, неправославныя*. Все это задумано будто бы съ злою цѣлью окончательно погубить *всѣхъ древнеправославную*, окончательно отвести отъ Бога, привести же къ сатанѣ. Вездѣ и во всемъ здѣсь ересь, ересь и ересь!!!!

Не сумѣвъ отдѣлать существенное отъ несущественнаго въ церковной жизни при своемъ возникновеніи, расколъ и во всѣ дальнейшей своей исторіи, до нашихъ дней включительно, остается *безъ* этого умѣнья. Что было на православной Руси при первыхъ пяти святѣйшихъ патріархѣхъ, что существовало во времена святой старожитности, что положено отцами, лежи то неизмѣнно во вѣки вѣкомъ!... Поставлена во св. книгѣ литера „азъ“,—умри за сію литеру, но порушить ее не дерзай. Уставлены въ домовномъ житіи и во устроеніи всякомъ благочестивые обычаи и поступки,—живи и ты, какъ жили дѣды—прадѣды, новомудрствовать не смѣй. Указано всякому православному христианину (гдѣ указано, это, разумеется, вопросъ для самихъ раскольниковъ) по чресламъ своимъ пояситься,—и поясуся, ибо то ересь латинвою и срациновъ, ежебы поясовъ не носили.. Малъ къвасъ, но все смѣшеніе кваситъ: мало новшество, но все *всѣхъ* губитъ. Тѣмъ паче въ нынѣшнія горькоколючивыя времена! Патріарха изнемогаша, святители падоша!... Врагъ, искій кого поглотити,—какихъ только мрежой не разставляетъ онъ нынѣ на погибель душамъ христианскимъ! Вотъ чай, кофе, картофель, табакъ!... „Четырьмя вещами хочетъ окаянный уловити древле истинныхъ христианъ и на ню-же пойдетъ христианинъ, погибнетъ. Ибо чай есть—сатанинская соль; кофе (кофе) адская земля, на ней же дьяволъ возлежаше; табакъ утѣха адская, ибо бѣси съ онѣми смрадными люльками пребываютъ во адѣ и тартарѣ; картофель—

очи сатаны, ими же онъ свирѣпо зреть на христиана». Всѣ сѣн лакоства—лакоства проклятыя, а посему: аще кто пьетъ чай, будетъ отчальнъ отъ Господа Бога; аще кто дерзнетъ пити кофеи, въ томъ человекѣхъ будетъ ковь лукавый; кому же: кто кофеи пьетъ, того громъ бьетъ; кто табакъ куритъ, тотъ Св. Духа изъ себя туритъ; а кто нюхаетъ табакъ, тотъ хуже собаки!... Тѣ, кто куритъ папиросы,—эти антихристовы свѣчи, которыя горѣть—не горятъ, адскимъ пламенемъ тлѣютъ и табакомъ пахнутъ,—Богу врази, а дьяволу друзи въ животѣхъ своихъ, колми паче по смерти!..

Или вотъ одѣяніе *нынѣшнее* россійское! „Россіяне, дворяне и прочіи..., платье, и обуви..., и околншія пѣмецкія носятъ, брады брѣютъ, галстуки около шіи носятъ, и парики и проч. Также и женскій полъ все—пѣмцекое носятъ и „... въ платьяхъ своихъ подробности нѣкоторыя неудобныя допускаютъ...; „а не хотящихъ тако носить принуждаютъ, древнихъ же всѣхъ обычаевъ, ругающихся, отвергаютъ и ненавидятъ“. Въ послѣдніи времена, пояснить другой раскольническій писатель, „мнози отъ христианъ впадуть въ растлѣнное житіе и примутъ обычай еллинскій и преокаинныхъ пѣмцевъ. Мужіе имутъ носить одѣяніе короткое, выше колына, и штаны натянуты чрезъ рамена и не могуща имъ колына поклоненіе творити. Жены же многія отъ христианъ, не срамляясь Самого Господа, будутъ имѣть образъ бѣсовскій, главы непокрыены имуще и на главахъ имутъ носити рога скотскія и змѣиныя, лица будутъ мазати вапями (красками) и бѣлти, яко пещь, брови же начерновати, и власы вонями умащати...; одѣянія же имутъ носити необычны, подобиюще бѣсовскому мечтанію, и съ перегаяжками“...

Въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ“, еще частіе развиваютъ свои мысли раскольники, въ Зачалѣ 36-мъ пишется: подобаетъ христианамъ „огребатися отъ требъ идольскихъ, и отъ блуда, и *удавленныя*... Подъ „удавленною“ здѣсь и разуміются галстуки никоніанскіе!... О нихъ же пишется и сие: „Бысть во фряческой земли король—именемъ Еуспасіанъ Нумеріановъ, зѣло славенъ во многихъ кралевствахъ западныхъ; велми бысть

гордь и немилосердь ко всѣмъ подданнымъ своимъ. И въ нѣкое время ближніи его сенаторы, пришедше ноцію въ ложницу его, вервами спицаго его удавиша. Потомъ же остася у него сынъ, юнъ зѣло, именемъ Кардукъ. И егда возмужавъ и приде въ разумъ и многими нѣмецкими королевствами одолѣ и во одержаніе взя, и воспомянувъ отца своего, яко нелѣпною смертію отъ сенаторовъ удавленъ бысть, и созва всю область свою и повелѣ всѣмъ въ воспоминаніе смерти отца своего на шяхъ очевидно петли со удавкой носити. И того ради вси подданіи его носила 12 лѣтъ. И потомъ собраниа вси вкушѣ сенаторы и старѣйшины и бша челомъ о своемъ безчестіи, еже бы повелѣлъ сняти удавы и петли, еже отъ многихъ въ понось и уничтоженіе быша. Король же едва умолимъ бысть, на милость преклонься и повелѣ вмѣсто петлей галстуки—плати носити, дабы поминали смертоубійство отца его и впредь тако не чинили. И тако разыдеша по инымъ ордамъ, еже неч своя вязати удавою безчестною“...

При воскресеніи мертвыхъ, продолжаютъ свою рѣчь о нашихъ „новшествахъ“ раскольниковъ, и море, и земля, и огонь, и звѣри, и птицы—отдадутъ всякую плоть человѣку и соединятся кости съ костями и облукуются плотью и живъ будетъ человѣкъ; но сбритые волосы съ бороды и усовъ не отдадутся и какъ бы ни былъ добродѣтеленъ человѣкъ, сбрившій бороду, онъ до тѣхъ поръ не войдетъ въ Царство Небесное, пока самъ не отыщеть своей бороды до послѣдняго волоса. И это потому, что брадобратіе будто-бы богоненавидима, душегубительная ересь,—потому, что брадобрѣицы будто бы *губятъ доброту Богомъ созданнаго имъ образа*. Сотворивъ человѣка, по образу и подобію сотвори его, и мужу убо, яко начальнику, браду израсти, женѣ же, яко не совершеннѣй, но подначальнѣй, онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчинна; зряще мужа своего красоту, себѣ же лишена тол красоты и совершенства, да будетъ смирна всегда и покорлива. А посему возрите на икону страшнаго втораго Христова пришествія и узрите: праведникъ, на десной странѣ Христа стоящій, вси имущи брады; на шуйцѣ

же стоящій—бесармены и еретики, и лутеры, и поляки, и инныя подобныя имъ брадобрѣйники—точію имущія единны усы, яко имуть котии и псы, или безъ брады и усовъ сущія, якоже пшеники, сирѣчь обезьяни... Услышимъ внятно повѣсть чудесну: „Нѣщій играюще отѣскона браду нѣкоего козла, добродордна зѣло, и той, не стерпѣвъ досады сицевы, самого себе убилъ до смерти, бѣ безъ милости главу свою о землю. Уразумѣемъ, коль честно и любезно есть бородное украшеніе и безсловесному животному. Азъ же словесенъ смѣи, гнушаюся ея: оле студа и безумія моего“!. Услышимъ же и ино дивно. Во странахъ далекихъ обрѣтается звѣрь нѣкій дивій. Сей, аще зацѣпится за что либо даже и хвостомъ своимъ, стоитъ недвижимъ, страшася потерять даже и единъ власть своей; и приходятъ людіе той страны и убиваютъ звѣря того. Виждь: скотъ несмысленный—и сей блюдетъ доброту свою! Кому же подобниа ты, брадобрѣица, губя честновидное благолѣпіе по образу Божию созданнаго лица твоего?!

Было бы очень долго перечислять *осць* раскольническія іереміады касательно гражданскихъ нашихъ новшествъ. Но едвали и есть надобность въ такомъ перечисленіи. И приведенныхъ рѣчей раскольниковъ достаточно, кажется, для того, чтобы убѣдиться, что во всѣхъ вопляхъ нашихъ раскольниковъ и одинъ тонъ, и одинъ мотивъ. Впрочемъ, вотъ еще два замѣчанія раскольниковъ относительно школьныхъ нашихъ порядковъ. „Проклинаю и сія хулы, яже развратно пишуть и учатъ, что солцѣ стоитъ, а земля ходитъ, и громы и молніи бывають отъ нѣкоего, по ихъ толкованію, электричества и что якобы туча съ тучею сходится и отъ того бываетъ молнія и громъ“. Это по адресу нашихъ географій и космографій. А вотъ относительно нашихъ лѣтнихъ каникулъ. „По манихейскому ученію, подъ пуждою стихійною стронится житію человѣческому разсуждаютъ; того ради и семинаристамъ, изъ нихъ-же въ духовныя чины производять... въ лѣтніе мѣсяцы... въ школахъ учитися не повелѣвають и катихизиса не толкують, подобно люторомъ, глаголюще, что въ сихъ мѣсяцахъ непонятіе наукъ бываетъ. Сице и латини въ своихъ школахъ взаконеніе имуть“.

Раскольники недовольны существующим порядком государственной и общественной нашей жизни; они признают его неправильным, неправославным, еретическим, антихристианским. Цѣлая половина раскола, такъ называемая безпоповщина, и въ особенности согласія едосѣвцевъ и бѣгуновъ даже и очень далеко зашли по пути такого недоволизма. Нѣтъ ничего несправедливаго повтому въ томъ, что наше гражданское правительство сдерживаетъ фанатическіе порывы неразумныхъ ревнителей старин... И всетаки несомнѣнно, что расколъ вовсе не политическій какой-то протестъ. Говорить это, утверждать, будто расколъ живетъ демократическими принципами, а тѣмъ болѣе рассчитывать въ будущемъ на какую либо политическую дѣятельность раскольниковъ, какъ *партіи гражданской*, значить клеветать на раскольниковъ, значить взводить клевету и вообще на русский народъ. Раскольники, по духу своихъ вѣрованій, не только не способны быть политическими дѣятелями, но даже и орудіемъ такихъ дѣятелей...

Корень раскола въ принципахъ *религіозныхъ*. Въ этихъ принципахъ и только въ нихъ причина и житейскихъ, практическихъ симпатій и антипатій раскольниковъ.

Оторвавшись, вслѣдствіе *слитой* привязанности къ обрядамъ, отъ единства церковнаго, расколъ такъ и застылъ, такъ и одеревнѣлъ въ тѣхъ условныхъ формахъ, въ которыя отлилась русская жизнь къ половинѣ XVII в. Годы шли за годами, исторія дѣлала свое дѣло, жизнь складывалась шире, а расколъ все стоялъ и стоялъ на одномъ мѣстѣ,—стоялъ, точно Лотова жена, обернувшись назадъ и оставшаяся недвижимою.. Безощадное время своими неугомонными волнами начало подымать почву подъ расколомъ: поны и протопоны, отторгнѣея отъ церкви вмѣстѣ съ прочими безумцами и „окармливаніе“ на первыхъ порахъ этихъ послѣднихъ, по естественному закону жизни, одинъ за другимъ стали переселяться въ міръ иной,—расколичья іерархія стала таять; а расколъ все стоялъ и стоялъ на своемъ мѣстѣ и только кричице прижималъ къ своему смущенному сердцу магическіе заквѣты св. старозапа-
древлепра-

вославные» чины и порядки... Іерархія оскудѣла, почва ушла изъ подъ ногу раскола, и суровая глыба рухнула и раскололась: расколъ раздробился на толки... Но и расколическіе толки, эти осколки прежняго монолита, оставались все на томъ же старомъ мѣстѣ и только еще судорожнѣе, точно утошающіе, схватились за свои «древлеправославныя» лстовки, подручники и подобныя святини... И лежатъ здѣсь эти руины, лежатъ и до нынѣ.. Въ XVII в. глубоко убѣжденные въ близкой кончигѣ міра, раскольники убѣгали въ лѣса и пустыни, надѣвали саваны, ложились въ заранѣе приготовленные долбленые гробы и пѣли протяжнымъ, заунывнымъ напѣвомъ похоронныя пѣсни. Чуется, стоятъ эти гробы древяные и нынѣ по всей Руси православной, и лежатъ въ нихъ, и заживо отпѣвають себя въ нихъ наши раскольники... И только все глубже и глубже уходятъ эти гробы въ землю, зарываясь въ песокъ, или погрязая въ тину, да мракъ все гуще и гуще окутываетъ живыхъ мертвецовъ... Тяжелая, ужасная картина! Неполазныя дебри; непроходимыя трупобы... Древяныя гробы сосновые... И тьма,—тяжелая, гнетущая, цѣпляющая тьма! И нѣтъ просвѣта, нѣтъ ни одного живительнаго луча... И пусть бы давила эта тьма сердца сухія, души безчувственныя... Но нѣтъ! Прислушайтесь къ этимъ заунывнымъ похороннымъ воплямъ, которые несутся оттуда!.. Сколько надрывающей душу скорби, сколько напряженнаго религіознаго чувства,—чувства уродливаго, дикаго, но все же религіознаго чувства! И нѣтъ просвѣта, нѣтъ ни одного живительнаго луча!..

А если-бы всыхнуть здѣсь этотъ свѣтъ?... Вѣдь онъ растопилъ бы ледяныя оковы, онъ разбилъ бы тѣ узы, которыя сжали, сдавили неразумныхъ братьевъ нашихъ!.. Онъ сдвинулъ-бы ихъ съ мѣста, онъ повелъ бы впередъ, повелъ прямымъ, царскимъ путемъ!..

Имущіе въ рукахъ своихъ свѣтильники возженные—псыдите къ сѣдацимъ во тмѣ и снѣи смертнѣи! И да возсіяетъ тамъ свѣтъ и да скроется тьма!!